

серия
БОГОИСКАТЕЛЬ

ТРИ ВЕТВИ ХРИСТИАНСТВА

Благотворительный фонд
«Фонд поддержки христианской культуры,
науки и образования»
МОСКВА 2018

УДК 27-9
ББК 86.37

Д79

Три ветви христианства. – Благотворительный фонд «Фонд поддержки христианской культуры, науки и образования» 2018. – 30 с.

Изучение истории Христианской Церкви зачастую оставляет человека в замешательстве: за огромным количеством фактов, имен и событий из поля внимания ускользает реальность Божьего присутствия и действия в Церкви Христовой. «Три ветви христианства» – это попытка охватить всю двухтысячелетнюю историю одним взглядом. Такой подход неизбежно страдает упрощением. Однако он позволяет увидеть смысл истории, ощутить живое присутствие Господа не только в прошлом, но и в настоящем дне Церкви, а также – понять свое место в Его замысле и свою неразрывную связь со всеми христианами, как живущими сегодня, так и наблюдающими за нами из Вечности.

ISBN 978-5-9909098-8-5 © Благотворительный фонд
«Фонд поддержки христианской
культуры, науки и образования»

СОДЕРЖАНИЕ

Период Ранней Церкви	5
Епископальная структура Церкви	7
Канон вероучения	9
Период единой Церкви	11
Вселенские Соборы	12
Разрыв между Востоком и Западом	13
Период разделенной Церкви	16
Период Реформации	19
Реформация в Европе	19
Евангельское движение в России	22
Выводы и размышления	26

Три ветви христианства

История Церкви – это история действия Святого Духа в мире. Это не значит, что все, что происходило в Церкви, с Церковью и через Церковь является действием Духа Святого. Зачастую мы видим, как раз обратное. Но это не отменяет самого факта: Господь создал Свою Церковь, Он живет в ней и действует через нее, и, глядя на Церковь мы можем многое понять о путях Господа и Его действии в этом мире.

Очень важно иметь целостный взгляд на историю Церкви. Две тысячи лет – это большой промежуток времени. Но нужно уметь видеть всю историю Церкви от Пятидесятницы до наших дней как нечто целое, как единый этап. Такой подход приводит к неизбежным упрощениям, игнорированию множества важных деталей. Зато становятся заметны основные линии действия Святого Духа, которые зачастую теряются при более детальном изучении. Попытка сделать «свертку по времени», возможно, поможет нам лучше понять сегодняшний день Церкви и увидеть пути, которыми Бог ведет нас в завтрашний день. В решении этой задачи невозможно обойтись без некоторого исторического обзора, к которому и приступим.

Период Ранней Церкви (~30 – 313 г.г.)

Пятидесятница – это день рождения Церкви. Дух Святой, излившийся в этот день на апостолов и учеников Христа, не только превратил робких и неуверенных людей в бесстрашных свидетелей новой веры. Он создал абсолютно новое сообщество людей, основанное не на общности крови, принадлежности государству, сословию или религии. Дух Святой в сердцах верующих делал их участниками Божественной природы, гражданами Небесного Города, тем самым закладывая абсолютно другое основание для взаимоотношений людей между собой. Церковь развивалась и распространялась, преодолевая национальные, сословные, религиозные и половые предрассудки, захватывая все больше людей Вестью о Царстве Правды.

Ранняя Церковь жила ожиданием близкого возвращения Господа. Эти ожидания бросаются в глаза даже при поверхностном чтении Нового Завета. А потому не было особой нужды заботиться ни об организации, ни о вероучении. Доктринальные и дисциплинарные вопросы решались прямой апелляцией к авторитету апостолов и их ближайших учеников. Но вот апостолы, один за другим, покидают этот мир... Церковь начинает осознавать, что возвращение Господа не произойдет настолько быстро, как ожидалось. Нужно думать о том, как жить в

этом мире, как нести свидетельство о вере, как передавать эту веру детям. Если Господь вернется со дня на день, можно было пренебречь довольно многими вопросами, которые встают перед людьми в мире. Работа – лишь средство поддержания жизни, не более. В воспитании детей самое главное – передать им крепкую веру, чтобы и они были участниками славного Пришествия. Остальное – не важно. Отношение к обществу, государству, другим людям, науке, философии, искусству, да и к другим сферам жизни общества – все определяется напряженным ожиданием Пришествия. Но, если на земле придется жить долго, такое отношение перестает быть адекватным. Нужно вырабатывать иной подход, который позволил бы Церкви и отдельным верующим найти в этом мире свое место. Это были совершенно новые вопросы, которые раньше перед Церковью просто не вставали, а теперь выдвинулись на первый план. Церкви предстояло пройти через период весьма непростых и болезненных изменений...

В завершение картины необходимо добавить две серьезные проблемы, которые угрожали самому существованию Церкви: гонения и ереси. Конечно, гонения были почти всегда, но, когда живешь ожиданием Пришествия, они выглядят совсем не так, как если на земле предстоит еще долгая жизнь. Для эсхатологического сознания гонения лишь приближают момент Суда и

Воскресения. Но при смене парадигмы возникает необходимость защитить Церковь от гонений, постараться вступить в диалог с обществом и властью. Так появляются апологеты. Проблема ересей тоже не была новой. Но, если раньше вероучительные вопросы можно было легко решить обращением к апостольскому авторитету, то теперь ситуация резко меняется. Как сохранить Откровение, которое было явлено во Христе Иисусе, без искажений, если уже в апостольскую эпоху появляется множество лжеучителей? Как разделить Истину и заблуждение? Как передать истину веры следующим поколениям? Церкви необходимо найти критерии для различения истины и лжи, верного учения и ереси.

Ответом на обе этих проблемы стало формирование канона вероучения и епископальной структуры Церкви. Надо отметить, что полностью и вероучение, и структура оформились значительно позже, в период Вселенских Соборов. Однако уже во втором – третьем веках заложены основные принципы и подходы, на которых потом основывались Соборы. Потому можно говорить о епископальной структуре Вселенской Церкви и «круге ортодоксии».

Епископальная структура Церкви

На раннем этапе каждая община является фактически самостоятельной и управляется,

как правило, коллегиально, группой старейшин (которых называют либо пресвитерами, либо епископами, причем, на данном этапе это просто разные слова для обозначения одной и той же позиции). Конечно, есть более и менее авторитетные служители, более или менее влиятельные общины. Но пока речь идет лишь о личном авторитете, о влиянии, обусловленном харизмой и служением, а не должностью/кафедрой. Но уже в конце первого – начале второго века происходит выделение епископа как старшего служителя в городе. Постепенно формируется представление «где епископ, там и Церковь». Пресвитеры могут служить лишь по его благословию. Чтобы избежать путаницы утверждается принцип «один город – один епископ». Естественным образом епископы более крупных городов имели больше авторитета и влияния, чем епископы более мелких. Со временем это приведет к формированию пирамидальной структуры Патриарх (Папа) – Митрополит – Архиепископ – Епископ, которая почти в точности повторит устройство Империи.

Вопрос структуры был более существенным, чем просто решение вопроса об управлении Церковью. Шел поиск оснований для вероучительного авторитета. Во второй половине II века Иринеи Лионский, в борьбе против гностиков, формулирует принцип апостольской преемственности. Согласно этому принципу учение конкретного епископа было верным в том случае,

если он мог показать преемственность своего рукоположения от апостолов. В противном случае он не имел апостольского авторитета и не считался епископом. Этот принцип и по сей день является одним из основных в служении православных и католической церковью. Именно этот принцип лег в основание того, что в Символе веры выражено как вера в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Церковь – это общины, собранные вокруг настоящих епископов. Остальные общины не есть Церковь, это – секты, группы, отделившиеся от основного течения, от Матери-Церкви.

Канон вероучения

Одновременно с оформлением структуры происходит и утверждение канона вероучения (и канона вероучительных книг, Нового Завета). Интересно, что канон книг формировался на основании следующих принципов:

- апостольский авторитет (на практике это означало, что книга написана либо апостолом, либо кем-то из его ближайших учеников);
- признание ее в качестве авторитетной во всех (в большинстве) общин;
- соответствие учения, которое есть в данной книге, учению Церкви (именно так: учение Евангелий и посланий проверяли по их соответствию учению Церкви!)

Как видим, именно авторитет Церкви стал

основанием для включения книги в Канон! Нам это может показаться странным, но для людей того времени это было вполне надежное основание. Личному авторитету доверяли намного больше, чем документу, который можно было легко подделать. А потому личный авторитет епископов, их связь с апостолами, их единство в вероучительных вопросах был намного более весом, чем авторитет любого документа!

Постепенно очерчивается «круг ортодоксии»: пространство вероучительных и мировоззренческих позиций, которые считаются христианскими. Этот круг был довольно широк, люди могли достаточно сильно отличаться друг от друга по целому ряду вопросов, занимать во многом противоположные точки зрения. Но даже небольшой выход за пределы этого круга сразу исключал человека из числа христиан и делал его еретиком.

«Круг ортодоксии» очерчивал верное учение, православие. А принадлежность к единой структуре создавала вселенский, кафолический организм Церкви. Таким образом происходит формирование Вселенской (Каф(т)олической) с Православным (ортодоксальным) вероучением. Оба эти термина применяются к ранней Церкви, но относятся к разным сторонам ее жизни. Заметим, что термин «ересь» относится к вероучению, точнее, к его искажению, в то время как «секта» - понятие, связанное с принадлежностью к структуре. К

примеру, Арий был признан еретиком, поскольку он учил неверно, но он не был сектантом (до тех пор, пока арианство не оформляется в отдельное движение).

Вполне допустимо, что были люди и целые группы, которые были вполне ортодоксальны в смысле доктрины, но считались сектами, поскольку не могли показать преемство своих служителей от апостолов или еще по какой-то причине откололись от единой (кафолической, вселенской) церковной структуры. В то же время, надо понимать, что и структура, и вероучение были тесно связаны между собой: невозможно было бы утвердить единое вероучение без четкой епископальной структуры, и не получилось бы сохранять единство Церкви как организации без единого вероучения. И то, и другое родилось как ответ на нужду как в новой парадигме для христианской жизни, так и угрозу, которую несли Церкви гонения и ереси.

Период единой Церкви (313 – 1054 г.г.)

Миланский эдикт открыл новую главу в истории Церкви. Христианство стало сначала разрешенной, а очень быстро и привилегированной, и затем (после Юлиана-Отступника) – государственной религией. У Церкви появились новые возможности и новые искушения. Отметим два главных фактора, которые определяют развитие Церкви в этот период: Вселенские Соборы и постепенное разделение Востока и Запада.

Вселенские Соборы (325 – 787 г.г.)

Вселенскими принято называть семь Соборов, которые признает Вселенским и Восточная, и Западная церкви.¹ Соборы, которые определили вероучение, структуру и богослужебную практику Церкви. В центре внимания большинства из них были вопросы, связанные с пониманием Бога, Его природы и практики поклонения Ему. Выше уже отмечалось, что принципы и подходы к формированию учения и структуры Церкви были заложены в более ранний период. Соборы закрепляют эти принципы и доводят их до логического завершения в Символах веры и Соборных постановлениях. Решения Соборов стали ядром Священного Предания, поскольку в них отражены основания, на которых Церковь основывает свою жизнь.

Это была поистине великая эпоха, но ее нельзя идеализировать. На Вселенских соборах получили каноническое закрепление как глубочайшие богословские прозрения, так и положения, которые носили явно временный и культурный характер.

1 Надо отметить, что Римо-Католическая церковь считает вселенскими и те церковные соборы, которые объединяли только западную часть Церкви. Последний (II Ватиканский) собор, который проходил с 1962-1965 гг. считается XXI Вселенским собором. В то время как восточная часть Церкви считает Вселенскими только те соборы, которые происходили до Великого раскола 1054 г

Тем самым были установлены ограничения для будущего развития. Канонизация литургии, других вопросов богослужебной практики привела, в конце концов, к тому, что внешние формы стали довлеть над содержанием. Византийский обряд был абсолютно современен в ту эпоху, он был вполне адекватен и мировоззрению, и образу жизни людей того времени. Но время менялось, а канонические формы церковной жизни – нет. Церковь преодолевала границы Империи, а обряд оставался имперским, чуждым мировосприятию новых народов. Все это проявится значительно позже, но основания для этих проблем тоже закладываются именно в эту эпоху. Такова особенность развития больших организаций: последствия принятых решений проявляются спустя довольно долгое время. И беда в том, что сами решения изменить часто не хватает духу, поскольку они уже освящены «авторитетом веков». В результате – попытки заставить Дух Святой действовать «строго в канонических рамках», а также – стремление подстроить жизнь под схему, забывая, что «суббота для человека, а не человек для субботы».

Разрыв между Востоком и Западом

Истоки Великого Раскола, который произошел в 1054 году, находятся гораздо глубже, чем изменения в Символе веры. Надо сказать, что слово *filioque*, из-за которого так много спорят, было добавлено еще Августином в V веке, но на протяжении довольно

долгого времени никого это особо не волновало. Однако между Востоком и Западом действительно нарастали серьезные противоречия, которые позже и привели к Расколу. Укажем некоторые, наиболее значимые, на наш взгляд, причины.

Во-первых, язык. На Востоке Империи говорили, писали и думали по-гречески, а на Западе – по-латыни. Всякий, кто предпринимал попытки перевести какой-либо текст на другой язык, понимает, что при переводе что-то неизбежно теряется. Ряд понятий на другой язык просто невозможно перевести – они теряют всякий смысл. Рассказывают историю, когда в семье муж-англичанин спросил свою русскую жену, будет ли она пить чай. Ответ любимой: «Да нет, наверное», надолго лишил супруга дара речи! Но если с чаепитием разобраться не так сложно, то богословские вопросы оказываются намного более сложной задачей. Даже люди, которые говорят и думают на одном языке, не всегда могут найти общий язык друг с другом. Представьте, насколько более сложная задача стояла перед богословами ранней Церкви, когда они пытались найти соответствующие термины в другом языке! Известна история попыток перевода на латынь богословских прозрений великих каппадокийцев: на латыни просто не было терминов, чтобы адекватно передать их мысли!

Во-вторых, менталитет. Мышление тесно связано с языком. Не случайно именно греки стали

основателями всей европейской философии, а римляне – права. Для Востока всегда было более важно созерцание и размышления об отвлеченных понятиях, а для Запады – практическая деятельность и ее регулирование. Это проявилось и в Церкви: Восток был озабочен выработкой верного учения, противостоянием ересям, которые тоже появляются именно на Востоке. А Запад куда больше интересуется практическим служением Церкви и выстраиванием верной структуры. Напомню, что вероучение определяется «кругом ортодоксии (православия)», а структура выражает вселенский (кафолический) характер Церкви. После Раскола каждая из сторон взяла то, что ей казалось более важным.

В-третьих, отношения с государством. Если на Востоке Император, фактически, обеспечивает единство Церкви (собирает Соборы и председательствует на них, снимает и ставит патриархов и т.д.), то на Западе мы имеем совершенно другую картину. Падение Западной Римской империи привело к тому, что именно Церковь стала единственной силой, объединяющей варварские королевства в единое пространство. И зачастую короли, а позже – начиная с 800 г. – императоры Священной Римской империи, принимают корону именно из рук римского епископа (Папы). Столь различная роль Церкви в ее отношениях с государственной властью тоже стала серьезным фактором в разделении Церкви.

В конце концов, противоречия стали слишком явными. И в 1054 году происходит Великий Раскол.

Период разделенной Церкви (1054 – 1517 г.г.)

История Раскола весьма драматична. Патриархом Константинопольским в это время становится Михаил Керуларий, который является яростным противником всего латинского. На время забудем о политике и вспомним, что Христос учил Своих последователей любить даже врагов, не говоря уже о братьях по вере. Ненависть – плохой советник, особенно – в религиозных спорах. Патриарх закрывает несколько латинских церквей в Константинополе и обвиняет Папу в богословских заблуждениях. Надо сказать, что в этот период Римский престол занимают подряд несколько достойных людей, стремившихся к реформированию Церкви и искоренению злоупотреблений. Лев IX был последовательным сторонником Ключийской реформы и искоренения симонии. Его легат (полномочный посол), которого Папа отправляет в Константинополь для преодоления разногласий, кардинал Гумберт – один из ближайших его единомышленников. Гумберт был настоящим христианином, но плохим дипломатом. Назначение его легатом в столь сложном вопросе как переговоры с Патриархом, было явно ошибочным решением. Гумберт отличался непреклонностью не только в вопросах веры и нравственности. Переговоры успеха не

имели. В конце концов, папский легат вошел в Собор Святой Софии во время литургии и положил на алтарь Собора анафему Керуларию и всем его последователям. Раскол между Востоком и Западом стал реальностью.

Иногда можно услышать мнение, что Раскол, фактически, произошел раньше, что в 1054 году произошла лишь фиксация того положения, которое уже сложилось к тому времени, что две Церкви уже на тот момент существовали вполне независимо друг от друга. Такая точка зрения и верна, и неверна одновременно. Противоречия между византийской и римской церквями были действительно значительны, по многим вопросам Рима Константинополь действительно жили своими жизнями. Однако сохранялось каноническое общение в рамках единой Церкви, происходил богословский диалог, взаимное обогащение Востока и Запада в искусстве, философии. Были различия, которые способствовали развитию Церкви, а не разделение. К примеру, Кирилл и Мефодий, просветители славян, получили благословение на миссию среди славян и перевод Священного Писания на славянский язык именно от Папы римского, а не от константинопольского Патриарха! И происходит вся эта история в IX веке. Другой пример. Крещение Руси состоялось в 988 году, примерно за 70 лет до Раскола. И благодаря этому Киевская Русь стала европейской державой. Уже сын Владимира Ярослав, прозванный Мудрым,

становится в один ряд с европейскими монархами, что доказывают и браки его детей (фактически, через детей Ярослав оказался в родстве почти со всеми королевскими дворами Европы). Если считать, что римская и византийская церкви к тому моменту уже раскололись, такие браки были бы невозможны! Более того, в «Деяниях первосвященников Гамбургской церкви» (1075 год) Ярослав назван святым! Т.е. и через 20 лет после Раскола еще ощущается недавнее единство Церкви!

Раскол привет к ослаблению Церкви, ослаблению силы ее свидетельства в мире. Утрата единства привела к замыканию Востока – в мистике и созерцании, Запада – в деятельности. Лишь с падением Константинополя в 1453 году Запад открыл для себя греческую патристику и философию. Богословский диалог прекратился на долгое время, что негативно повлияло как на восточное, так и на западное богословие. Раскол христианского мира ослабил его перед натиском ислама. Особенно болезненно Раскол отразился на состоянии молодой Русской Церкви. Едва вступив в сообщество христианских народов, Русь быстро оказалась в изоляции: Византия решала свои внутренние проблемы и боролась с исламом, ей было не до северных варваров. А для Европы русские (да и для русских – европейцы) оказались схизматиками, с которыми можно вести диалог только с опущенным забралом и обнаженным мечом. Как результат – Русская Церковь так и не

смогла обогатиться ни достижениями греческой мысли, ни тем, что было достигнуто на Западе.

Раскол наглядно демонстрирует, что для нормального развития Церкви (и отдельного человека: его сознания, эмоций, поведения) необходимый диалог, необходима встреча с другим, отличным от меня самого. «Должно быть разномыслие между нами», говорит апостол. Должно быть определенное напряжение, чтобы в Церкви могла проявляться жизнь. Единодушие отнюдь не требует единообразия. Единообразие губительно для Церкви, потому что приводит к шаблонному мышлению и нечувствительности к Святому Духу. Жизнь Духа в Церкви останавливается, искажает. Именно это произошло в результате Великого Раскола, что привело к Реформации на Западе и стагнации на Востоке.

Период Реформации (1517 - ...)

Реформация в Европе

Когда Мартин Лютер прибил к дверям часовни в Виттенберге свои «Тезисы о действительности индульгенций», он меньше всего ожидал того эффекта, который они произвели. Основная цель «Тезисов» состояла в том, чтобы пригласить своего дорогого брата-доминиканца Иоганна Тецеля на богословский диспут относительно некоторых спорных богословских вопросов, и Лютер использовал для этой цели способ обычный для образованных людей того времени. Доктор

Лютер не был виновен в том, что другой Иоганн, Гуттенберг, к тому времени уже изобрел печатный станок, и лютеровские «Тезисы» разошлись по всей Германии задолго до того, как состоялся диспут. Как бы то ни было, но день 31 октября 1517 года вошел в историю как день начала Реформации.

Само слово *ре-формация* означает «возврат к основам». Это и было главным требованием как Лютера, так и других отцов Реформации: Кальвина, Цвингли и др. Требование вернуться к первоначальной чистоте христианства. К учению, основанному на Слове Божьем и Отцах Церкви (да-да, реформаторы не отвергали Отцов Церкви, хотя и не ставили их творения на один уровень с Библией). К Церкви, которая служит людям, а не эксплуатирует их невежество. Первое время Лютер еще надеется, что Император созовёт Вселенский Собор (конечно, Католической Церкви), но Собор так и не состоялся. Происходят совсем другие события: восстания крестьян, войны, которые раздирают Европу более 100 лет. В конце концов, достигается некоторый баланс сил: Северная Европа преимущественно протестантская, Южная – католическая. В христианстве появляется третья сила – протестантизм. Надо сказать, что для католицизма протестанты стали тем «другим», благодаря которому и римская церковь получила серьезный импульс в своем развитии.

Есть старый спор о том, можно ли считать протестантов Церковью. Мне кажется, сама история

свидетельствует в пользу этой точки зрения. Пятьсот лет – это не пять и не пятьдесят. Количество людей, которые исповедуют Христа и при этом относят себя к тем или иным протестантским церквям, достигает 700 млн. Для сравнения: тех, кто относит себя к католической церкви, в мире насчитывается более миллиарда человек, к православию – около 300 млн. Таким образом, протестантизм – вторая по численности и самая быстро растущая ветвь христианства. В свое время равви Гамалиил сказал об апостолах: «Если это дело от человеков, оно разрушится само. Если же от Бога, то никто его не разрушит. И как бы не оказаться и среди тех, кто Богу противится» (Деян.5:38-39). Протестантизм пытались задуть многократно, но безуспешно. Можно с уверенностью сказать, что Сам Святой Дух свидетельствует, что это движение инспирировано Богом.

Протестантизм – необходимая часть христианства. Через протестантизм Бог показывает, что Он не вписывается ни в какие человеческие каноны. Он не обязан следовать ни принципу апостольской преемственности, когда ставит Своих служителей, ни древнему порядку литургии и таинств, чтобы совершать чудеса в жизни людей. Как во времена Ветхого Завета Бог действовал в Израиле не только через священников и царей (которые были соответствующим образом отделены и поставлены на служение), но и через пророков, чье служение не определялось никакими

установлениями, одним лишь Его призывом, так и сейчас Он поднял движение, которое, кажется, идет в разрез с древними каноническими установлениями, но в котором очевидно Его присутствие и действие. Возможно, если бы Церковь могла бы вместить различные формы поклонения Богу, организации церковной жизни и способы служения миру, не было бы ни Раскола, ни Реформации. Но наша человеческая греховность не позволяет нам сохранять эту многополярность. Люди всегда пытаются поставить жизнь и действие Святого Духа под свой контроль. Результат – жизнь Божья проявляется иным образом.

Евангельское движение в России

Сегодня довольно распространено мнение, что протестантизм является чуждым для нашей страны явлением. Однако исторические факты свидетельствуют об обратном. Прежде всего, отметим, что в России протестанты появляются уже во второй половине XVI века, т.е. спустя совсем немного времени после оформления протестантизма как самостоятельного движения. Подробный разговор евангельской церкви в России заслуживает отдельной статьи, потому отметим лишь некоторые особо важные вехи и характерные особенности. В XVI веке в Москве появляется Немецкая слобода, населенная различными иностранцами, преимущественно, торговцами. По вероисповеданию большинство население слободы

– протестанты. Появляется сначала лютеранские кирхи, потом – реформаторская церковь. Постепенно Немецкая слобода превращается в небольшой европейский городок, что привлекает внимание многих знатных москвичей, которые перенимают некоторые особенности «немецкого» быта, и вызывает неудовольствие ревнителей старины. Именно в Немецкой слободе происходит фактическое взросление будущего императора Петра Великого, формируются его взгляды на развитие России.

При Петре Первом множество западных протестантов находятся на государственной службе, занимают ключевые посты в армии, на флоте, принимают активное участие в укреплении российской государственности. Протестанты внесли существенный вклад в развитие русской науки, культуры, становление русской промышленности. Достаточно вспомнить имена Владимира Даля или семью Нобелей. Одновременно с этим русские дворяне получают европейское образование. XVIII век вообще характеризуется открытостью России к Европе, что русскую культуру достижениями Запада и подготовила расцвет науки, литературы, искусства и философии, который происходит в следующем веке. Русское сознание впитала лучшие достижения западной цивилизации, пропустила их через себя, творчески переработала и создала уникальную культуру, значимую для всего мира. Это еще

раз подтверждает тезис о том, что для развития любой культуры необходим диалог, столкновение с иным. В условиях изоляции жизнь прекращается, замирает.

Следующий этап – возникновение собственно российского протестантизма. Наверное, правильное было бы говорить даже не о протестантизме, а о российском евангельском движении, потому что в этом движении проявились особенности именно русского богоискательства. Российское движение имеет свою специфику, отличную как от православия, так и от западного протестантизма. Однако невозможно, да и не нужно отрицать связь российского евангельского движения с мировым протестантизмом.

Евангельское движение в одно и то же время возникает независимо в трех различных регионах: среди молокан на Кавказе, среди малороссийских крестьян на Украине и среди знати в Петербурге. Довольно быстро возникает тесная связь между этими очагами, что приводит к формированию единого движения. Быстрое развитие евангельского движения вызывает озабоченность, а позже – и прямые гонения сначала со стороны царского правительства, потом – со стороны советской власти. Практически все время, за исключением кратких периодов, евангельское движение в России развивается в условиях подполья. Тем не менее, оно смогло стать значимой общественной силой и предложить России альтернативный вариант

христианства: современного по форме, свободного от давления иерархии, открытого людям, включенного в мировое сообщество церквей, способного вести диалог с нехристианским миром. Фактически, евангельские христиане России являются тем «иным» для православия, каким в свое время были западные протестанты для католиков. И с этой точки зрения, российский протестантизм является весьма позитивным явлением и даже необходимым условием для нормального развития Русской православной церкви.

Выводы и размышления

На основании этого краткого обзора можно сделать несколько выводов.

Во-первых, для здорового развития Церкви необходимо, чтобы в Церкви были представлены различные позиции, возможно, противоположные взгляды, различная духовная практика. Многообразие позволяет более полно видеть картину того, что делает Бог, а значит – более точно исполнять то, чего Он от нас ожидает. Церковь не смогла удержать различные позиции в рамках единой организации, потому возникло многоконфессиональное христианское пространство. К сожалению, понимание ценности «другого» до сих пор остается вне поля зрения основных конфессий. Христиане все еще предпочитают вести диалог в рамках своей деноминации, практически игнорируя других. Это в равной степени относится как к трем основным направлениям в христианстве, так и к отдельным деноминациям в протестантизме. В результате мы имеем очень узкий и однобокий взгляд, в котором нет места иной точки зрения. И на сегодняшний день это является самой большой слабостью современной Церкви.

Во-вторых, можно выделить характерные черты каждого из трех основных направлений. Сделать это довольно трудно, поскольку каждое направление старается удерживать всю полноту. Можно предложить следующий подход. В Ветхом

Завете отмечены три основных служения, через которые Бог созидал и направлял Свой народ: священство, цари и пророки. Если соотнести эти служения с существующими направлениями в христианстве, то можно отнести православие к священническому служению, католичество – к царскому, а протестантизм – к пророческому. Конечно, это довольно условное соотнесение, тем не менее, оно дает определенное представление об особенностях каждого из направлений. Из этой классификации можно сделать еще один шаг. Церковь призвана удерживать три равноценных вектора: ценность личности и личных отношений с Богом, ценность соборности, единства Церкви и ценность миссии, Великого Поручения, данного Церкви Христом. Получается такая таблица:

Православие	Священство	Соборность
Католичество	Царство	Миссия
Протестантизм	Пророки	Личность

В-третьих, очень важно отличить в реальных исторических церквях то евангельское, что они несут миру, от тех искажений Евангелия, которые в них тоже присутствуют. В этом вопросе пока отсутствуют критерии, на основании которых это можно было бы сделать. Понятно, что евангельское – это то, что приносит жизнь. Можно также предложить две заповеди, данные Христом (любовь к Богу и любовь к ближнему) как основание для

такого различия. Однако это еще не критерии, пожалуй, это только подходы к тому, чтобы эти критерии обнаружить. Но сделать это чрезвычайно важно, поскольку поможет и межцерковный диалог вести, и самим нащупать тот узкий путь, который ведет в жизнь. Кроме того, мне кажется, что обнаружение этих критериев может стать основанием и для построения принципиально иного богословия, богословия, которое не расчленяет, не препарирует жизнь, а передает ее, научает ей. Богословие, основанное на любви как на принципе.

Наконец, возникает вопрос: что дальше? Исторически мы имеем три основных формы, в которых выражено христианство. При этом католики не общаются с православными и наоборот, а вместе утверждают, что у протестантов нет апостольской преемственности, потому те и вовсе не церковь. Протестанты, в свою очередь, считают католиков и православных христианами, но с оговорками, что в Писании нет ничего такого, что для исторических церквей весьма важно: икон, почитания святых и проч. В такой ситуации видится крайне маловероятным единство Церкви на принципах Августина: «В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь». А ощущение необходимости такого единства, ощущение критичности времени, в котором мы живем, явно присутствует. И что-то должно произойти.

Что это будет? Появление чего-то четвертого? Чего-то, что перерастет рамки существующих движений и сможет удерживать то евангельское, что присутствует в каждом из существующих? Единая Церковь, которая, наконец, явит этому миру Христа? Но не станет ли это просто еще одним расколом? Еще одним движением, претендующим на то, что именно мы – самые правильные? Тупик ощущается как в одном случае, так и в другом. Конечно, настоящее единство – это когда простые христиане начинают просто общаться друг с другом, преодолевая рамки деноминаций. Но и это общение не может идти слишком далеко, есть ограничения, которые невозможно преодолеть без решения иерархии (особенно – для исторических церквей). В этой ситуации наиболее вероятным способом достижения единства кажется сценарий, описанный Владимиром Соловьевым в «Краткой повести об антихристе». Такой вариант развития событий выглядит очень пессимистично. Неужели, чтобы достичь единства Церкви, Богу обязательно нужна помощь антихриста? Неужели дети Божьи не в состоянии придти к единству без давления извне? Хочется верить, что это не так. Но пока исторические факты говорят как раз об этом.

Никео-Цареградский Символ веры*

1. Верую во единого Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого.
2. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рождённого от Отца прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, не созданного, одного существа со Отцем, через Которого всё сотворено;
3. для нас людей и для нашего спасения сошедшего с небес, принявшего плоть от Духа Святого и Марии Девы и сделавшегося человеком,
4. распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребённого,
5. воскресшего в третий день согласно с Писаниями (пророческими),
6. восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца,
7. и опять имеющего придти со славою судить живых и мёртвых, и Царству Которого не будет конца.
8. И в Святого Духа, Господа, дающего жизнь, исходящего от Отца, поклоняемого и прославляемого равночестно с Отцом и Сыном, говорившего через пророков.
9. И во единую, Святую, Вселенскую и Апостольскую Церковь.
10. Исповедую единое крещение во отпущение грехов.
11. Ожидаю воскресения мёртвых
12. и жизни будущего века. Аминь

**Вероисповедание, провозглашенное первым Вселенским собором Церкви в Никее в 325 году, а также вторым Вселенским собором в Константинополе (Царьграде) в 381 г.*